Макёто: легенда о Волке и Сверчке

1

На острове Макёто шел дождь.

Захертен из Ану-Кат покачал головой, сливая лишнюю влагу с полей соломенной шляпы, и стряхнул с катаны лишнюю кровь. Вложив её в ножны и оставив за спиной зарубленного кабаноподобного ёкая, он ткнул кончиком меча в подозрительную лужу. Та оказалась ему по колени, и ругающийся на родном языке молодой кирин снова принялся протискиваться по обочине среди бамбуковых стволов. В своем паломничестве он исходил страну зебр, половину Эквестрии и вот, наконец, перебрался немного восточнее от неё, на архипелаг Таврию. И та ему определённо не нравилась.

Впрочем, остров Макёто или Демоническая Гавань не совсем Таврия — так, сравнительно небольшой островок на границе большой россыпи... на котором поместилось бы несколько Кристальных Империй. Если поставить их рядом. Крупнейший перевалочный пункт всё же.

Впереди показались дома, и Захертен чуть не вспыхнул от счастья: он уже устал продираться сквозь бамбуковые рощи и петлять по раскисшей грязи. Вид же покрытых толстой, осевшей под тяжестью времён соломой крыш, деревянные стены и украшенные сёдзи неплохо так подкинул растопки в его внутреннее пламя оптимизма — он даже почти почувствовал себя дома.

Вообще, остров Макёто слабо походил на остальную Таврию — когда-то, лет триста-четыреста назад, это был большой анклав киринов... пока они все не решили перенести все свои Города в Зебраар. Захертен не знал, зачем, но был уверен, что из-за дождя.

Кирины, мягко говоря, вообще не очень любят дождь.

Так или иначе, они ушли, а их характерные дома на небольших сваях, святилища, обычаи, да и культура вообще, остались и нашли признание: местные пони, грифоны, алмазные псы, минотавры и зебры — просто рагу какое-то — носят кимоно, хаори, хакамы, едят моти, бенто и маки с овощами. А ещё очень не любят минотавров и кентавров с “основной” Таврии, которые время от времени по приказу своего очередного рогатого чакравартина пытаются “окончательно решить Макё-то-товский вопрос”.

На входе в деревню Захертен почувствовал магическое колебание, но не предал значения: Макёто просто кишит ёкаями и было бы странно, если б он наоборот не почувствовал ничего — любую деревню без минимального набора волшебных оберегов очень быстро бы сожрали. В этой же староста явно не поскупился — был бы сам Захертен не кирином, самим по себе высоковолшебным существом, а, скажем, грифоном, скорее всего, тоже пропустил бы деревню из-за чар иллюзии и дождя.

А потом Захертену дорогу преградил гусь. Кирин напрягся — гусь показался необычным: пятнистый, с розоватым хохолком. Смерив кирина пренебрежительным
взглядом, птица открыла клюв:

— Нэ-нэ-нэ! — и скрылась в темноте.

— Странная птица, — пробормотал кирин. Не ёкай ли? Впрочем, если ёкай, то не опасный.

Ощутив под ногами характерные плоские камни, Захертен вернул катану за пояс и принялся вертеть головой в поисках постоялого двора.

Трехэтажный “Девятихвостый Лис”, чуть ли не единственное здание, имевшее черепицу-кавару, стояло совсем рядом и даже призывно звенело колокольчиками. Отряхнувшийся Захертен с жалостью взглянул на свое хаори: потемневшее до серости от дождя и грязи, стандартное красное, но мама вышила на спине золотыми и оранжевыми нитями огромный иероглиф “охота”, чёрный подобный пламени рисунок с выступами на подоле, и имена тех, кого Захертен уважал и на кого хотел быть похож. Конечно, в паломничестве хаори и кимоно постоянно страдают (особенно если кирин выбирает Путь, по которому шел Захертен) и почти все молодые паломники просто не придают этому значения... но маминому пирожочку Захертену всё равно было обидно. Кирин отворил дверь, и в лицо ударил тёплый воздух, в котором перемешались смех, лёгкая ругань, запахи варёного риса и тушёных овощей. Чтобы дойти до стойки, Захертен обошёл двух весьма крупных полупьяных близнецов-минотавров (чаши сакэ в их лапищах выглядели почти игрушечными), скользнул взглядом по сидящей в углу тройке похожих, словно братья, грифонов-игроков в сёги, аккуратно обогнул оранжевую земную пони-разносчицу (которая, расхохотавшись, ухитрилась игриво шлёпнуть его хвостом по заднице), несущую несколько плошек с супом мисо в угол к четвёрке зебр, чуть приостановился у покосившейся ниши токонома, чтобы бросить мелкую, совсем не нужную ему самому монетку играющему на биве слепому жеребчику-единорогу в простой рубахе и, наконец, уселся у стойки. Хотя, по сравнению с обычной эквестрийской таверной, это был скорее просто низенький дубовый столик.

Разносчицы были заняты заказами, а самая главная на вид пони, лишь взглянув на кирина, принялась что-то ускоренно договаривать зевающему алмазному псу с молотком — скорее всего, местному кузнецу. Захертен решил подождать и прислушался к песне музыканта:

Злой, злой Шедоу
Страх наводит на всех
До дрожи нас пугает его жуткий смех
Попробовать он хочет
Кого-то на вкус
Тебя обездвижит его один укус
Ужасный Шедоу
Я сам его боюсь!
Злой, злой Шедоу
Всего-Один-Укус
Он страшный гигант,
Чудовищный монстр
Так безжалостно суров
Он очень непрост
Злой, злой Шедоу!

Скользнувшая мимо вторая разносчица, на этот раз голубая пегаска, игриво куснула

паломника за кончик уха и тут же со скоростью звука умчалась нести чай хмурому старому коттену-абиссинцу, настолько же высокому, насколько худому — почти скелету. Захертен слегка покраснел, а с его сохнущего хаори начал подниматься легкий парок: не для местных соблазнительниц его полешек горел! Кирин снова сфокусировался на песне:

Злой, злой Шедоу никого не щадит
И шёпотом о нём каждый здесь говорит
Не стерпит насмешек, шуток он не поймёт
Не спрятаться, не скрыться — он любого найдёт
Злой, злой Шедоу
Я сам его боюсь!
Злой, злой Шедоу
Всего-Один-Укус!

Перед ним поставили миску с лапшой, политой мисо. Недолго думая, Захертен схватил её и, не обращая внимания на жар, принялся жадно всасывать пшеничные полоски — он не ел с самого утра.

— Umai! Вкусно! — воскликнул он на родном кири-но, заглатывая очередной пучок. — Вкусно!

Опустошив миску, Захертен взглянул на всё ещё стоящую тут же хозяйку и спохватился:

— Прошу прощения! Вы говорите на кири-но? — спросил он и тут же мысленно залепил себе подзатыльник. Конечно, местные не говорили на кири-но: попробуй-ка освоить язык вида, чья общая речь на девяносто семь процентов состоит из молчания, а мимика, от которой зависит тон беседы и отдельные нюансы — от угла положения морды кирпичом, и это без учета двух полноценных и равноправных стилей — кандзи (для смысла и идеи) и катаканы (для звучания). Нет, конечно, за поколения жизни в предметном мире киринов местные смогли освоить некоторый словарный запас родни Захертена — сёдзи на острове Макёто останется сёдзи и в Ану-Кат — но вот фонетика и грамматика... в общем, местный диалект кири-но будет проще понять эквестрийцу или минотавру, чем чистопородному кирину — в их ушах он звучит как нечто потустороннее и немного издевательское. Так что кири-но — сугубо для личного общения.

Впрочем, за годы паломничества Захертен освоил эквестрийский, зебраарский и немного грифонский. Ну, ещё несколько слов на алмазном и таврийском, но за них его чуть не побили и сунули на ночь в застенки.

К счастью, как перевалочный пункт остров Макёто достаточно мультиязычный, пусть и чуть менее в глубине.

— Эквестрийский? — вежливо спросила хозяйка.

— Эквестрийский, — с облегчением улыбнулся Захертен, — извините, я просто давно не ел, а ваша лапша такая вкусная, вот я и...

— Я догадалась, — улыбнулась одними губами хозяйка. — И меня приятно согревает мысль, что наша стряпня пришлась пламенному господину по вкусу. Госпожа Вайдоу Веб, к вашим услугам.

Захертен моргнул и теперь уже внимательнее посмотрел на собеседницу: на вид обычная

белая единорожка, холодно красивая, явно не молодая, но взгляд никак не цепляется за крошечные морщинки, если они вообще есть. Одета в белое кимоно, украшенное орнаментом паутины и паучьими лилиями, подвязанное под цвет аккуратно уложенной гривы пурпурной симэнавой, затянутой в бант на спине. И это имя...

— Вы эквестрийка? — наконец не выдержал Захертен.

Госпожа Веб расхохоталась, и кирину на мгновение почудилось, что сейчас пойдет снег — настолько этот смех был звонок.

— Ну что же вы, пламенный господин, — отсмеявшись, сказала госпожа Веб, — Я была рождена на этом острове и всю свою жизнь провела здесь, хотя мои предки и вправду были откуда-то из страны Луны и Солнца! Впрочем, дорогуша, на своем веку мне удалось пообщаться с огненными повелителями — вы отличаетесь от них.

— Отли... а, это, — Захертен закатил глаза. Он уже привык к стереотипам. Тем более, что конкретно этот был более чем оправдан. — Я последователь течения Осеннего Огня.

— Не сочтите за грубость, пламенный господин, но это какая-то секта? — Что?!

Нет! Вернее, да, но...

Захертен нервно почесал затылок: вот этот стереотип был стереотипом даже среди киринов — при всей своей нерелигиозности, а кирины были, пожалуй, самой нерелигиозным видом в мире, даже они умудрялись смотреть на своих собратьев-последователей Осеннего Огня как на каких-то... ну, пусть и слегка странноватых, но еретиков. Хорошо, хоть не призывали на всякий случай сжечь болтливых смутьянов... хотя, тут скорее остудить. Принудительной “бомбочкой” в один из Ручьев Молчания.

Впрочем, глава течения, великий Громовой Лапшичник Тхомертху, говорил, что это пройдёт. Не через год, так через сотни лет.

И вот сейчас Захертен чесал рог, думая, как бы так подоходчивее объяснить не-кириншe этот момент, не погружаясь при этом в историю, культуру и биологию своего народа со времен рождения первого Верховного Кирина?

— Ла, ла-ла-ла-ла... ла-ла-ла... ла-ла-ла... — неуверенно начал он по памяти пересказывать одну из главных проповедей Тхомертху, — Кирины болтали, пели, не молчали... Мы смеялись и шутили, на сцене выступали...

— А если кратко, дорогуша? — смилостивилась над ним госпожа Веб. — Если кратко: радуга не будет видна, если нет дождя, свеча не горит, если не зажгут, — с видимым облегчением ответил Захертен, про себя отметив, что без дождя он точно бы не стал грустить. — Нельзя отказываться от смеха из-за страха... вот мы и не стали.

Госпожа Веб кивнула и поставила перед ним новые блюда: рисовые треугольники с начинкой из кунжута и умэбоши, капустный блин с тертой ямсой, рис, завёрнутый в сладковатый жаренный тофу, рис с отварным молодым бамбуком... — Вкусно! Вкусно! Вкусно!!!

Чем больше Захертен ел, тем лучше становилось его настроение, тем больше замасливался его взгляд, остров Макёто казался гостеприимней, а его жители — примером дружелюбия... пусть и весьма внимательного.

— Простите, — слегка неловко сказал Захертен, чувствуя на себе всё больше взглядов, — я сильно мешаю?

— О нет, нисколько, — отозвалась с улыбкой госпожа Веб. — Просто наша деревня

Скрытая-в-Дожде... я сказала что-то не то?

Услышав название, Захертен едва не подавился. Один из полупьяных минотавров-близнецов встал, подошёл, распихивая посетителей, и участливо хлопнул кирина по спине лапищей-лопатой. В итоге вместе с тестом и рисом едва не выбил из Захертена внутренности, но тот всё равно был благодарен.

— Ваша деревня... называется... “Скрытая-в-Дожде”?

— А что такого? У нас так называются все поселения на хоть каком-то удалении от пляжей: Скрытая-в-Дожде, Скрытая-в-Песке, Камне, Звуке... поверьте, это далеко не самые плохие названия. Есть даже Скрытая-в-Дерьме, и они гордятся этим... — Но они, ик, всё равно те ещё дерьмодемоны! И мы тут таких не любим! — влез второй пьяный брат-минотавр, но тут же смолк под недовольным взглядом хозяйки. — На Макёто ты можешь выжить только если умеешь либо сражаться, либо прятаться, — подытожила она. — Но вернёмся: как я сказала, в нашей деревне нечасто останавливаются путники и нам бы хотелось услышать новости из внешнего мира.

Захертен призадумался. Последние несколько лет он жил в основном в Эквестрии, в паломничестве, и одно из последних самых главных событий было... — Ну, это мы знаем, — пожала плечами госпожа Веб. — Тяжело не заметить ходящий ходуном небосвод и внезапное затмение. Но это было лет... двенадцать назад? Ты уж не считай нас совсем за дикарей, огненный господин.

Почему-то это немного задело Захертена.

— Эквестрия вторглась в Грифонские Княжества, — буркнул он.

— Ну так эт неудивительно! — крикнул один из зебр. — Всем известно, что грифоны — коз... гордые курицы! Щас понадают им по жопам, и всё вернётся на круги своя! Захертен покосился на грифонов — те слегка подозрительно не спорили. Впрочем, заносчивость грифонов — тоже стереотип.

— Не вернётся, — буркнул Захертен, — Эквестрия присоединила Грифонстоун. И вот тут окружающих проняло. Тренькнула порвавшаяся струна у музыканта, упала и разлетелась тарелка одного из зебр. Замотали головами минотавры, словно по ним вдарили дубинкой, а грифоны заклекотали.

Конечно, в нынешнее тёмное время попытки присоединить куски соседа были вполне обычным явлением — тот же Макёто живет под постоянным риском очередного рейда... но не в случае Эквестрии. Эквестрия, та самая Эквестрия, которой управляют настоящие боги, чьи разногласия отражаются на небосводе, на протяжении сотен лет оставалась в своих границах. Конечно, на неё нападали, пытались грабить, угонять в
рабство жителей, даже отрывать куски — всегда найдутся непуганые идиоты, возомнившие себя богоборцами. И Эквестрия всегда оборонялась, контратаковала, даже переходила в наступление с временной оккупацией... но всегда возвращалась. Ни пяди ни своей, ни чужой земли, даже перед лицом Вечной Ночи — таков был даже не каменный, а адамантовый принцип всего государства.

Так что могло пошатнуть его, фундаментального, как сам день?! И как далеко сможет пойти страна, во власти которой заставить само солнце встать с запада? — Это ещё не всё, — мрачно продолжил Захертен. — Перед вторжением в Княжества Эквестрия поглотила

находящиеся под ней города алмазных псов. Теперь они — Подземная Эквестрия.

Теперь к клекоту грифонов добавилось испуганное ржание зебр и мычание минотавров. Две разносчицы испуганно обнялись, а маленький музыкант крикнул долговязому аббисинцу:
— Деда Арго! Деда Арго! Как думаешь, что будет-то?!

Все, включая Захертена, посмотрели на старика. Тот, не меняясь в мрачности, допил чай и сказал невероятно сухим голосом:
— Дайте мне сакэ.

Сакэ ему тут же принесли, и Арго, побормотав немного, погрузил в него коготь, затем, вглядевшись в разводы, убрал его, облизал, опрокинул в себя рюмку и молвил: — Нам [цензура].

И снова вперился в стол.
— Так, хватит! — повысила голос госпожа Веб, пытаясь пресечь на корню возвращающийся гомон. — Ещё ничего не ясно!
— Не ясно?! Мало нам было этих свинокоровьих баранов, так теперь ещё и с самим небом воевать!
— Никому не придётся воевать! Мы спрячемся...
— Ага, попробуй спрятаться от солнца! — съязвил один из грифонов. — Говорите за себя, трусливые, ик, уклонисты! — прогремел один из минотавров. — Мы, ик, будем срадаться! Верно, брат?!
— Может, ик, сражаться, брат?!
— Я так и сказал, ик, “мы будем сраться”!
— Ты, ик, такой умный брат!
— Я знаю, брат! Иди, ик, ко мне, брат...
— Так, а ну все сели!!! — рявкнула госпожа Веб так, что звякнули колокольчики снаружи. Все тут же послушались, глядя на хозяйку с неподдельным страхом. На секунду Захертену померещилось, что... впрочем, всё тут же пропало. — Значит, так, — уже намного спокойнее сказала госпожа Веб, — никто не будет сражаться, страдаться и уж тем более сраться. Не сейчас и не в моем Лисе. Я не знаю, что взбрело в голову Её Сиятельности и как скоро она утолит свои аппетиты, но пока нас разделяет море...
— Не Сиятельности. Эквестрии, — рискнул влезть Захертен.
— Прошу прощения?
—Я... — замялся кирин, — я не очень понял, но Принцесса Селестия вроде как отказалась участвовать в войне, во всяком случае, в боях. Всё началось вскоре, как она взяла себе нового ученика...

Но его уже не слушали. Народ заметно повеселел, и под взглядом госпожи Веб будто бы наложил негласное табу на тему. Эквестрия без своей богини резко потеряла в угрозе, а что там у грифонов и алмазных псов... да пусть сами разбираются. Их же не волнует, что Макёто приходится отбивать нападки Таврии?
— Вам бы не мешало оплатить счёт, пламенный господин, — тактично намекнула госпожа Веб.
— Конечно. Вы принимаете битсы?
— Золото есть золото.
— Хорошо. Сколько с меня?

Хозяйка назвала цену.

— СКОЛЬКО?!!

Госпожа Веб расхохоталась, а Захертен посмотрел на ту гору деревянных тарелок и плошек, что оставил за собой, и был вынужден признать, что даже по меркам Эквестрии наел он таки прилично — видать, сильно оголодал под дождём. Но всё равно почти грабеж!

— Пламенный господин верно думает, что рис у нас с полей, которые мы убираем, пока не сражаемся за жизнь? — лукаво спросила хозяйка, всё ещё улыбаясь. — Нет. Но и таких денег у меня тоже нет. Может, как-нибудь договоримся? — с угасающей надеждой спросил прожора. Умел он откровенно мало. — В зависимости, что пламенный господин умеет.

Захертен несколько раз неуверенно кашлянул и попытался занять позу посолиднее:

— Я... Я бог смерти!

Повисло неловкое молчание. Госпожа Веб вопросительно склонила голову набок:

— Смерти?

— Смерти.

— Целый бог?

Захертен слегка покраснел:

— Ну, не “бог”... но формально я вхожу в организацию! И намерен основать собственное течение! Особый Путь: Путь Клинка, Рассекающего Демонов! — О как, и именно для этого вы прибыли именно на Макёто — ведь где же ещё искать демонов, чтобы оттачивать навыки, — слегка ядовито заметила госпожа Веб. — Впрочем, ладно. Есть у нас тут один... демон. Избавите — прощу долг и даже дам от имени деревни что-нибудь сверху.

— С... Сделаю! — с готовностью подался вперед Захертен. — Что за демон? Каппа, рокурокуби, тенгу...

— Почем мне знать, я с ним не встречалась, — скучающе прервала его хозяйка, собирая тарелки. — Спроси у остальных, пока они трезвые — завтра будут работать, устанешь искать. Фу, Му, Грегор, Галлус, Карл! — рявкнула она уже на спорящих
минотавров и грифонов. — Растолкайте пьяниц, пусть расскажут про этого...
Всего-Один-Укус-а!

— Сделаем!

— Это мы быстро!

И они сделали! Всего за несколько минут Захертен смог составить примерный портрет цели: размера небольшого, в пределах от средней зебры до двухэтажного дома, основной цвет — от ярко-серого до угольно-чёрного, глаз вроде бы два, сошлись на том, что либо золотые, либо зелёные, постоянно то ли хохочет, то ли рычит, то ли плачет, и постоянно хочет за что-то укусить.

— Его вообще вблизи кто-нибудь видел? — сдался наконец Захертен, когда жители не смогли определиться, четыре, пять или шесть у Шедоу Хайда ног и почему одна из них на лбу.

— Найн, мы что, совсем дураки близко подходить? — чопорно заметил Галлус с характерным грифоньим акцентом.

— Мы, ик, с братаном его у храма видели, — мукнул минотавр Фу. — У храма Тсу... э-э-э...

— Тсукуеми, — жутко прошелестел прислушивающийся старик Арго, — Его видели в храме Тсукуеми...

— И где храм?

— Как пламенный господин выйдет на запад от деревни, пусть идёт к ближайшей горе, куда закатится солнце. Там найдёт он каменные ступени, они и приведут, — вмешалась наконец вытиравшая стойку госпожа Веб. — Но это завтра. Сегодняшнюю ночь пусть проведёт он у меня в Лисе, за счёт заказа. А вы все, пошли вон — завтра много работы.

Захертен невольно зауважал единорожку, насколько покорно принялись расходится посетители. Староста небось.

2

Проснулся кирин ближе к полудню. Ночь поначалу не задалась: футон был мягкий, а одеяло тёплое, но вот найти под ним давешнюю разносчицу-земнопони, игриво хихикающую и тянущуюся к его... кх-кх... нагинате... ну ладно, вакидзаси, было слегка неожиданно. Она капризно надула было губки, потряхивая соломенной гривой, но тут же рассмеялась и выскользнула из комнаты, заметив, как запунцовел молодой кирин, жалобно просящий её уйти.

Захертен снова попытался уснуть... только чтобы примерно через час проснуться и найти под одеялом уже пегаску.

— Бака! — сказала она, показав язык и вылетая в окно, пока уставший полусонный Захертен пытался начертить лёгкий Круг Девственного Пламени.

Впрочем, судя по спору за окном и хихиканью, подруги сошлись на ничьей. И вот теперь слегка невыспавшийся кирин уныло топал по полужидкой грязи в сторону ближайшей горы. Он надеялся, что хотя бы сегодня сквозь тёмные серебряные тучи пробьётся хоть немного солнца, но как бы не так. Противно моросило. Сколько бы Захертен ни пробыл на Макёто — тут всегда шёл проклятый дождь.

Каменные ступени начинались ещё у подножия. Неровные, потрескавшиеся от времени и ветра, разбитые и даже отсутствующие — каждый шаг отзывался в копытах то глухим щелчком, то хлюпом. Никаких перил, только редкие заросли карликового бамбука и черёмухи, всё покрытое тонкой плёнкой влаги.

И всё же на середине подъёма Захертен остановился не только отдохнуть, но и оценить протекающую внизу реку, обрамленную сочной травой. Когда на одну из кувшинок одной из многочисленных тигровых лилий опустилась причудливая птица, похожая на феникса... А, нет, птицу тут же сожрала клыкастая жаба размером с игровой мяч жеребят и довольная уселась на проплывающую мимо корягу... которая тут же проглотила её, оказавшись крокодилоподобной тварью... а, нет, жаба с фениксом выбрались и теперь вдвоем деловито мутузили крокодила, к которому начали выныривать доселе невидимые под водой сородичи... а, нет, теперь переглянувшиеся жаба и феникс слились в угрожающего вида ёкая...

Дальше Захертен смотреть не стал. Воистину, остров Макёто специфичное место.

Ближе к вершине кирин остановился. На его лицо набежала тень, он стал серьезнее и будто повзрослел лет на пять.

На ступенях была кровь.

Захертен склонился. Благодаря дождю кровь не успела засохнуть, но и смыть её он тоже не успел

— сама была красной... слишком уж красной для пони или грифона. Присмотревшись, можно было разглядеть крошечные блёстки, отливающие голубым — крошечные кристаллы-электролиты. Слишком крупные для разумных существ.

Захертен выдвинул на полкопыта катану и прислушался: тихо, если не считать шелеста дождя, да редких вскриков синиц и дроздов. Про себя отметил, что за сегодня не столкнулся на горе ни с одним чудищем — для сравнения, по пути в Деревню Скрытую-в-Дожде его пять раз попытались сожрать и три раза продать какую-то дичь, а уже потом сожрать. Собственно, соломенную шляпу он тоже снял с убитого кабаноподобного ёкая, прикинувшегося кентавром.

Захертен продолжил путь. Чем выше он поднимался, тем больше становилось следов: полусмытая кровь, но ни одного тела. Следы от лап тоже были смыты — кирин даже не мог понять, кто кого убил и куда уволок. Впрочем, догадки были: Шедоу Хайд решил зачистить угодья от конкурентов.

Истребитель демонов задумался. Неопределённость сильно играла на нервах, и понемногу он начал подозревать, что работёнка могла оказаться не по силам. Захертен вздохнул. В такие моменты он невольно начинал размышлять: а как бы поступили те, чьи имена вышиты на его хаори? Что сделали бы Тхомертху-сама или Хекель-сан? Впрочем, пожалуй, нет смысла ставить себя на место Тхомертху-самы — до его уровня мамин пирожок Захертен доберётся разве что в следующей жизни, ибо такие кирины рождаются раз в несколько столетий и многие признавали, что именно Тхомертху-сама однажды сменит Верховного Кирина.

А вот его ученик, Багровое Пламя Запада Хекель-сан... Захертен нервно хихикнул. Хекель, скорее всего, даже не стал бы думать, что тут за монстр — просто взорвал бы гору и дело с концом — он в этом деле мастер. В одиночку смог одолеть гасядокуро, не без труда, но смог! По меньшей мере две дюжины опытных
киринов-богов смерти нужно, чтобы справится с гасядокуро, а Захертен... Захертен однажды видел это чудище. Издалека и очень недолго, потому как тут же кинулся бежать в противоположную сторону, ведь этому монстру ничего не стоит сравнять с землёй средних размеров город. А Хекель его разнёс и даже не посчитал нужным рассказывать о своем подвиге.

Но Захертен не Хекель. Как и другие, Захертен знает Технику Текучей Крови, и благодаря ей сможет двигаться со скоростью телепортирующегося единорога, а Техника Стоячей Крови сможет защитить не хуже обычных доспехов... Конечно, ещё можно освободить душемеч, но его способности, будем честны, куда лучше подходят против бандитов. И ещё остаётся последнее средство... но лучше о нём не думать.

Наконец, Захертен взошел на гору и увидел строение — простое, один этаж, почти аскетичное, но не бедное. Чёрная черепичная крыша, изогнутая как крыло, деревянные стены цвета мокрого пепла, и лишь тонкие полосы синей и серебряной ткани висели у входа, слегка дрожа под дождём.

Символа не было. Но над входом — врезанный в древесину круг. Не полный, не полумесяц. Просто круг.

Пустой.

У входа Захертена встретил гусь с розовым хохолком. Он сидел на сорванных с петель воротах, но, завидев кирина, резко вскочил и грозно расправил крылья: — Нэ-нэ-нэ-нэ-нэ!!!

Кирин полуобнажил катану. Гусь смерил его оценивающим взглядом и, не складывая

крылья, начал медленно обходить по кругу.

Захертен не двигался.

Уйдя вправо, птица наконец скрылась в кустах:

— Нэ-нэ-нэ-нэ-нэ!.. — донесся до него зловещий и предрекающий голос. Захертен выдохнул и склонился: массивные посеребрённые двери были сорваны с петель и пестрели царапинами — кто-то тащил по ним туши, совсем не заботясь о сохранности святыни.

Впрочем, если бы Захертана спросили, он бы сказал, что, как и все кирины, вовсе не считает храм чем-то... религиозным. Да, его построили кирины и даже делали мелкие подношения, но он был для них скорее обыкновенной данью уважения, не более чем памятником. В нём никогда не было ни веры, ни молитв.

Захертен прошел во внутренний дворик — след становился всё чётче и явственнее, но не было ни мух, ни запаха гниения. Охотник на демонов быстро прошел небольшую прихожую — сёдзи были поломаны и измазаны — и наконец увидел.

Задница. Первое, за что уцепился взгляд кирина, была повёрнутая ко входу оттопыренная задница. Её хозяин, по-видимому, тот самый Шедоу Хайд, спал мордой в бассейн, пуская пузыри, а туши валялись у стен, наполняя бассейн кровью. Не сильно много: едва доходило до щиколоток, но всё же.

Захертену немного поплохело: то, что валялось у стен, было омукэде, которые более всего походили на эквестрийских сколопендроморфов — такие же сегментированные тела, много коротеньких ног, но у некоторых ещё и морда волка. Размеров каждой из этих тварей хватило бы, чтобы несколько раз окольцевать телегу, и было их тут штук семь.

Захертен бесшумно обнажил катану, сделал шаг и мысленно залепил себе затрещину: едва он вступил внутрь, как по озеру побежала одинокая рябь... но спящий даже не почесался. Уже неплохо.

Охотник втянул носом воздух, сердце застучало быстрее, ток крови в венах ускорился, смешиваясь с магической энергией — Техника Текучей Крови. Мимо кирина пролетела бабочка, медленно маша крыльями, словно увязнув в киселе. Рывок.

В доли секунды Захертен сократил расстояние и занес катану — если перерубить между позвонками, можно закончить одним ударом.

— Пламенная гильотина.

Лезвие с тихим свистом устремилось к шее.

За мгновение до лишения головы Шедоу Хайд наконец открыл глаза.

Звякнуло.

Кирин тут же отскочил обратно ко входу, встав в защитную стойку — катана выставлена вперёд перпендикулярно земле. Но Шедоу не спешил нападать, вместо этого встал, зевнул, убрал меч и по-собачьи почесал ухо, а затем лениво повернулся. Теперь Захертен смог рассмотреть его получше.

Роста он был невеликого, не выше Захертена, но, глядя на него, кирин испытывал иррациональный страх — почти первобытный, как у травоядного перед хищником. Казалось, что единорог этот больше, чем есть на самом деле. Шерсть у него была серо-чёрная, как горелая древесина, а грива — белая, спутанная, отливающая сизым. Морда — преотвратная, со следами разложения, трещинами и шрамами, неправильно живая. Края губ были неровны, обнажая зубы,

щёки отсутствовали, создавая кривую вечную улыбку. Глаза золотистые, кошачьи, с вертикальным зрачком.

Под стать ему были и доспехи: неопрятные, поеденные временем и ржавчиной, будто собранными из дерева, металла и ремней, а на груди и поясе — перевязи с небольшими металлическими шариками. Настолько же плохо выглядели его мечи: волнистые “пламенеющие”, побуревшие, с ржавыми узорами, что больше напоминали венозные сети, совсем без ножен. Как только они до сих пор не рассыпались?

Захертен почувствовал, как у него трясутся коленки, и решил не рисковать: он указал кончиком катаны на единорога и произнес:

— Погрузи, Ночной Сверчок.

Удерживаемая в катане ничирин магия кирина, его, Захертена, с самого детства откачиваемая сила, высвободилась и наполнила комнату и даже немного внутренний дворик. Охотник на демонов мерзко улыбнулся: обычно на этом этапе бандиты впадают в панику, пытаясь понять, куда делся свет и все звуки. Конечно, чтобы снять эффект, достаточно покинуть магическое поле, но разве прекрасно видящий и слышащий в своей магии Захертен позволит это?

Шедоу Хайд на высвобождение никак не отреагировал и почему-то попытался залезть языком в ноздрю. Захертена это немного обидело. Глубоко вдохнув, он напряг ноги:

— Вальс.

Снова за секунду приблизившись к Шедоу, он нанёс горизонтальный рубящий удар.

— Хи-хик.

Шедоу уклонился. Вновь, в самый последний момент, он склонил голову, и пока над ним свистело лезвие — отхлебнул немного крови из бассейна. — Небеса!

Кирин оттолкнулся и подпрыгнул, крутанулся в воздухе как юла. Теперь он метил в спину.

Шедоу опять увернулся, сдвинулся на шаг вправо, и катана Захертена рассекла только воду.

— Огненная колесница!..

Удар за ударом, приём за приёмом использовал Захертен. Прыжок за спину, пытаясь подрубить ноги, куча коротких Х-образных разрезов... удары приходились только по дну, колоннам, телам омукэде. Шедоу уклонился от всех. Сам он не нападал, даже не смотрел на своего убийцу, просто иногда порыкивал и ворчал, как ленящийся на прогулку пес. И Захертена это всё больше и больше бесило. Он уже даже не думал отступить и выработать другую стратегию.

— Копья подсолнухов! — рявкнул он, делая очередной рывок и нанося множественные уколы.

Клац!

Захертен часто заморгал: единорог одним укусом перехватил лезвие катаны челюстями, словно собака палочку. Судя по искалеченным щекам, тренировался он много. Кирин подергал меч туда-сюда — куда там, сидит как в тисках! — Отдай!

— Гр-р...

— Отдай катану, шакал!

Шедоу, виляя, попятился и наконец-таки выхватил с перевязи один из клинков. Это отрезвило Захертена. Мгновенно переместившись ко входу, он снова встал в защитную стойку,

уже копытопашную:

— Что, теперь всерьёз, едино... демо... ксо, да что же ты такое?!

Но зевнувший единорог уже выплюнул киринов меч, а свой вернул на бок. Захертен выругался: его никак не хотели воспринимать всерьёз! Ну и пусть! Им же хуже!

Кирин пошатнулся. Окружающий мир начал стремительно двоиться, пол пытаться выскользнуть из-под ног. По щеке скатилась одна-единственная капля — Захертен поймал её копытом и удивился — та слегка светилась от магии, была ярко-голубой. Такая только у киринов.

На самой ноге стремительно проступали чернеющие вены.

— Ксо... — как-то слегка растерянно произнес раненый и отключился. Очнулся кирин от кислого, мерзковатого привкуса на языке — кто-то настойчиво вливал ему в рот какую-то бурду.

Застонав, Захертен открыл глаза — Шедоу усиленно пыхтел рядом, держа над ним распоротую пясть — именно с неё в рот кирина капала кровь. Заметив, что Захертен пришел в себя, единорог отпустил края раны (те почти сразу же сомкнулись), потрусил к одному из тел и начал жевать хитиновую лапу. Немного подумав, оторвал другую, принёс кирину и снова вернулся к еде.

Лапу Захертен есть на стал. Поднявшись из бассейна, он вышел на улицу. Нужно было подумать. Судя по положению солнца, в отключке пробыл едва ли больше часа. Сняв хаори, Захертен тяжело вздохнул — насквозь пропиталось, было противно липким и потребует кучу золота, чтобы отстирать. Если отстирается вообще. Пытаясь хотя бы выжать подарок мамы, кирин едва не пропустил Шедоу, который вышел из храма и потрусил к воротам.

— Эй!

Шедоу приостановился, полуобернулся и поднял одно ухо.

— Спасибо, что не убил.

Единорог снова издал что-то похожее на ворчание пса и скрылся.

Вернулся он к вечеру. Натужно пыхтя, припал к земле и пятился задом, волоча очередную тушу ёкая, в три, а то или четыре раза больше его самого. Глядя на охотника, кирин испытал смешанные чувства — тот до смешного напоминал ему маминого шиба-ину, укравшего огромный кусок мяса.

Затащив монстра в святилище, Шедоу достал меч и одним ударом рассек брюхо чудища так, чтобы кровь потекла в бассейн. Потрошить не стал.

Захертен вздохнул. Всё это время он размышлял. Было стойкое чувство, что это не первый представитель своего вида, которого встретил кирин. Вот только где?.. Другой вопрос, как Шедоу мог спокойно уклонятся от Захертена в его Ночном Сверчке. У кирина была теория, и он рискнул проверить: создал крошечный, почти шутливый огонек и бросил его в единорога, здраво рассудив, что за такое его убивать пока не станут.

Огонек ударился об лопатку охотника и бесследно потух, а Захертен мысленно приложил копыто к лицу. Он наконец-то вспомнил.

Вспомнил прекрасный Тротингем, одну из жемчужин Эквестрии. Вспомнил, как на Карнавале Масок сказал несколько слов на алмазном и таврийском, отчего его сначала побили, а потом сунули в местные застенки.

Вспомнил рыжие локоны местной капитана-коронер, серую шёрстку, её такие же, как и у

Шедоу, золотистые глаза с вытянутым зрачком и бурчащий голос: — От хурэ... ладно, слушай сюда: пока пересидишь у меня в клетке, всё уляжется — я тебя выпущу. Но потом не советую влипать в неприятности. Правосудие тут работает через жопу.

Тогда Захертен посмеялся слегка глуповатой шутке, но коронер мрачно по-собачьи задрала ногу... и поперхнувшийся кирин понял, почему некоторые прозвали её Гиеной.

Теперь Захертен вспомнил, как их называли: Шедоу Хайд был ведьмаком, убийцей чудовищ. По непроверенным слухам, искусственно рождённый из крови одной из принцесс, ею же обученный вместе с братьями и сёстрами. Понятно, почему Захертену не по себе от одного его вида: если кирин чуть ли не живой генератор магии, то ведьмак — его полная противоположность.

— Эй, ведьмак? — неуверенно окликнул Шедоу Захертен. — Ты ведь ведьмак, да? Ведьмак задрал ухо, попутно выцарапывая копытами на стене символ, похожий на не дорисованные до конца песочные часы.

— Ты... понимаешь меня?

Шедоу издал серию коротких пофыркиваний и мотнул хвостом. Немного подумав и приняв решение, Захертен достал катану и вонзил в землю. Склонившись, глядя в пол, он торжественно произнес:

— Ведьмак Шедоу Хайд, я, кирин Захертен из Ану-Кат, будущий основатель Пути Истребляющих Демонов, благодарю тебя за пощаду и приношу свои извинения — я принял тебя за демона. Клянусь внутренним Бездымным Пламенем, что искуплю вину!

По традиции киринов, Шедоу должен был либо отвергнуть, либо принять клятву, но спустя минут пять неловкого молчания Захертен начал опасаться, что ведьмак обычаи киринов не знает, или (если судить по шапочному знакомству с Гиеной), скорее, не помнит. А поднимать голову нельзя — нанесешь ещё большее оскорбление!

К счастью Захертена, он услышал тихий плеск, затем его рог с интересом обнюхали, а потом, немного подумав, ведьмак... лизнул кирина в нос. Пунцовеющий Захертен решил принять это за одобрение клятвы.

Когда на небе засияли звезды, кирин решил готовиться ко сну: на улице продолжал лить дождь, а спать в бассейне крови не хотелось. Поэтому он выбрал прихожую, решив заодно и перекусить — благо хозяйка Лиса насыпала ему в дорогу немного еды.

— Хочешь? — предложил он один из рисовых шариков ведьмаку, который зачем-то принес ему старую щербатую плошку, полную крови чудищ.

Шедоу заворчал, понюхал шарик, откусил крошечный кусочек, прожевал без особого интереса и мотнул головой на тарелку.

Сначала Захертен хотел отказаться: кто в здравом уме будет пить кровь монстров? Но, решив, что всё равно был бы уже мёртв от ведьмачьего яда и вряд ли Шедоу позволит ему покалечиться, попробовал самым кончиком языка алый напиток. — Да вы издеваетесь?!

Кровь омукэде на вкус оказалось легкой, сладковатой и терпкой, словно молодое красное вино, с лимонным привкусом, да к тому же щипающей язык пузырьками! И Захертен был более чем уверен, что именно это ему налили в одном из порту Макёто, назвав сангрией!

— Ну, хоть рис тут рис... — мрачно пробурчал смирившийся Захертен, делая глоток и берясь за шарики.

Ведьмак захихикал.

Кирин подозрительно на него взглянул, прищурился, всматриваясь в шарики... — Да вы охренели!!! — едва не метнул он шарик в темноту.

Это был совсем не рис.

“Пламенный господин верно думает, что рис у нас с полей?” — вспомнил кирин слова госпожи Веб. Ещё более помрачневший, он откусил кусочек и скрупулёзно растер между зубов в пыль — на вкус это был стопроцентный вареный рис. Ну и ладно, говорят, Тхомертху-сама в странствиях питался акридами, а Хекель-сан до ученичества вообще помои у зебр на свалках жрал.

Когда с едой было покончено, Захертен спросил у свернувшегося у противоположной стенки калачиком Шедоу:

— Ве... Ведьмак?

Шедоу зевнул.

— Если не секрет, то... почему не убил?

Шедоу посмотрел на кирина, как на идиота, и напрягшись, произнес несколько слов. Голос был... обычным, чуть сипловатым, срывающимся на среднее между хихиканьем, скулёжом и лаем:

— Sisi... ni... sawa. Sisi ni sawa.

Захертен нахмурился. Он узнал язык — это был зебраар, один из оборотов. “Мы — едины”. “Мы — одно”. Было над чем подумать.

3

На следующий день Захертен увязался за ведьмаком, разумно посчитав, что не сможет искупить долг, если будет сидеть в храме. С интересом кирин наблюдал, как Шедоу то водит носом в воздухе, то припадает к земле, уводя Захертена всё дальше и дальше.

— Знаешь, я тут подумал, — поделился кирин, стараясь не сорваться, пока они с ведьмаком спускались к реке. — В Эквестрии я встречал членов Ордена Феникса, они называли себя паладинами принцессы Амете... Селестии! То есть, она их госпожа, как для меня мой господин — Верховный Кирин! И если так проводить параллели, то мы с ними, выходит, самураи, а ты... ронин?

Он не надеялся на ответ, но Шедоу замедлился. Задумчиво нахмурив брови, он будто прокатил слово на языке, а затем сказал:

— Rō-nin... rōnin... watashi, rōnin.

От удивления Захертен едва не споткнулся и не полетел с горы:

— ТЫ ГОВОРИШЬ НА КИРИ-НО?!!

Шедоу недовольно заворчал, пытаясь вновь поймать запах, но Захертена было не остановить: впервые за многие годы он услышал родной язык, пусть и с лающим акцентом, но куда более правильный, мелодичный и удобоваримый, чем тот ужас, с которым к нему приставали в Тротингеме и на Макёто!

— Поговори со мной!

Шедоу махнул хвостом, пытаясь что-то раскопать.

— Ну же, ведьмак! У меня годы не было... нормального общения!

— Гр-р-р...
— Ведь... Шедоу Хайд!
— Гр-р-р!..
— Я не отстану! Сиси не сава!

Шедоу Хайд закатил глаза, пожевал губами, немного подумал и выдал: — Ko... no kuso yarō! Kus... ottare no inu... chikushō! Omae, kāchan o oka... shiteru gomimushi me! Kocchi koi yo, kuso yarō!..

С каждым выговоренным словом речь Шедоу становилась всё увереннее и чище — его произношение действительно почти сравнялось с кириновским. Однако, когда он закончил, не перебивавший его Захертен задумчиво сказал:

— Знаешь, давай лучше остановимся на эквестрийском. И не говори такого при моей маме. Пожалуйста.

Шедоу довольно фыркнул.

Они остановились у реки. Усевшийся на траве Захертен подумал, что даже несмотря на пасмурность, здесь довольно-таки спокойно: дождик шумит, бамбук скрипит, по ряби чистой воды плывут тигровые лилии... А потом ведьмак всё испоганил, бросив в воду заранее припасенный кусок мяса, какую-то склянку и металлический шарик с перевязи.

Бумкнуло, воду всколыхнуло, из неё вынырнул вивернoподобный ёкай: огромное тело, покрытое чешуёй и красными перьями, два перепончатых крыла, длинная птичья шея, морда клыкастая, жабья, на голове птичий гребень. Яростно заклекотав, монстр принялся выбираться на берег, а Захертен удивленно открыл рот: тварь до невозможности походила на получившуюся вчера из жабы и феникса! Только теперь она вымахала до размеров пары вагончиков и обзавелась чешуйчатым крокодильим хвостом! И, судя по отсутствию коряг, крокодилов тут больше не водится...

Захертен был в шоке всего секунду, а потом резко активировал Технику Текущей Крови и обнажил катану:

— Ведьмак! — крикнул он. — Выиграй мне несколько секунд, я снесу ему... Э? Чудовище не стало давать им лишних секунд, оно выбросило вперед голову, стараясь одним точными укусом разорвать ведьмака на части... и отпрянуло, заклекотав от боли. Ведьмак увернулся и повесил на секунду обнажившийся меч на пояс, а вот ёкай принялся мотать туда-сюда головой: от маленького пореза на его брови проступали чёрные вены.

Меньше, чем через минуту он испустил дух.

Шедоу Хайд подошел к добыче и одним укусом выдрал кусок из плеча туши. Немного задумчиво пожевал, а затем выплюнул и разочаровано заурчал. Захертен криво усмехнулся: такой звук обычно издавал мамин шиба-ину, когда ему насыпали сухой корм вместо, по его мнению, нормальной еды.

Дорога назад показалась куда длиннее, когда пришлось тащить за собой ещё и добычу, весившей как полторы повозки — повезло, что ёкай оказался в два раза легче, чем выглядел на первый взгляд. Ведьмак не просил о помощи, но Захертен посчитал бы себя свиньёй, если б не присоединился при невыплаченном долге.

— На кой... уф-ф... тебе... у-х... осторожно, ступень!.. На кой тебе вообще эта тварь в храме?! — спросил Захертен, когда они втащили её до половины горы. — Вы же вроде только головы

берете?

Покосившийся на кирина ведьмак остановился, давая запыхавшемуся возможность передохнуть, и отпустил добычу. Усевшись, он снова принялся по-собачьи чесать ухо и что-то бормотать:

— Гасить... курей... — смог разобрать уставший кирин. Переспрашивать не стал, вместо этого окинул взглядом панораму:

— Ого, смотри, я вижу отсюда деревню! — указал он маленькие домики восточнее той дороги, по которой впервые пришел. — Ты, к слову, не оттуда?

Усевшийся рядом Шедоу Хайд лениво скосил взгляд и одобрительно рыкнул: — Скрытый... Камень. Sisi ni sawa.

— А я — оттуда, — указал в другую сторону Захертен. — Из Скрытого Дождя.

Ведьмак с лёгким интересом прищурился, всматриваясь, что-то понюхал и произнес:

— Скрытый... Дождь. Sisi si sawa.

Пусть и уставший, Захертен это запомнил.

Они таки затащили ёкая на самый верх. Он никак не хотел пролезать в ворота, но прежде, чем Захертен предложил порубить тушу, Шедоу рыкнул “Аард” и разнёс часть стены. То же он сделал и с частью прихожей в святилище, после чего довольно затолкал добычу.

Захертен сначала хотел назвать это вандализмом, но потом просто махнул ногой: если Шедоу “сын” принцессы Луны, то это его дом. Пусть его мать потом с ним разбирается.

Так прошло ещё пару дней охоты, и продуктивные они были не только в битье ёкаев — Захертен всё больше и больше замечал, что понимает Шедоу. Был ли это язык тела, который работал в синергии с его отрывочными фразами, или кирин просто наловчился, пока скрупулёзно наблюдал за ведьмаком, он не знал. Да и не считал это важным.

А на третий день на них напал гусь.

Это произошло, когда ведьмак впервые повел кирина не на охоту, а на горячие источники — там их ждали.

— Нэ-нэ-нэ-нэ-нэ!!! — гонял ведьмака по всем источникам гусь с розовым хохолком, пока Захертен пытался понять, что ему делать. Просто зарубить птицу, пусть и агрессивную, казалось ему неправильным. И не зря:

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — задумчиво сказал кирин, когда загнанный на дерево и просидевший там битую четверть часа ведьмак наконец-то спустился и теперь они втроем сидели в горячем источнике:

— ... по твоим..., по вашим “словам”, этот гусь...

— Нэ!

— Прошу прощения, гусыня... в общем, эта гусыня — принцесса какого-то племени, которое ты спас от смертельного проклятия, но...

Пускающий пузыри ведьмак меланхолично помахал ухом.

— ... но проклятие оказалось чересчур даже для такого антимагического, как ты, и чтобы спасти тебя, принцесса поглотила часть проклятия и превратилась... в гуся? — Нэ!

— Да-да, в гусыню! И теперь она, по закону племени, формально твоя *жена* и вынуждена следовать за тобой, до тех пор, пока ты её хотя бы не расколдуешь? — Нэ, — гордо подняла шею гусыня.

— И это при том, что у великого и могучего ведьмака... жеребячья фобия на гусей?!! Ведьмак недовольно заворчал. Он не любил вспоминать о том, что было до того, как его обратили.
— Ой, ну прости, — ядовито сказал кирин, — я просто как-то не ожидал, что существо, внушающее одним своим видом ужас и панику, будет бояться домашней птицы! — Нэ? — покосилась на него гусыня.
— Ну, я боюсь, к примеру, гасядокуро... бабочек мотры...
— Нэ?
— Да бабочек! Бабочек размером с храм и любящих откладывать яйца в ещё живых существ!
— Нэ-нэ?
— Ну если бы я встретил огромных гусей, то, очевидно, боялся б и их! Захертен на секунду призадумался, а потом спросил:
— Вам говорили, что вы лягать какие странные?

Ведьмак грустно заворчал, и гусыня отвесила ему лёгкую затрещину крылом. — Тебя... вас... как, кстати, зовут? — спохватился Захертен, обращаясь к гусыне. — Нэ! Нэ-нэ!
— Ну, не хочешь говорить, пока не расколдуют, не хоти, только когда ж это ещё будет... будешь Гусыня Нэ.
— Нэ! — ущипнула кирина за нос гусыня и обратилась к мужу: — Нэ-нэ! Ведьмак снова заворчал — он явно не хотел ничего делать, поэтому жена ущипнул и его, за шею. Шедоу Хайд это стоически перенёс. Явно не впервой. Всё больше млеющий в горячей воде кирин вспомнил и наконец спросил то, что не решался по меньшей мере пару дней:
— Какая она была? Принцесса Тсу... Луна?

Ведьмак немного задумался.
— Sisi ni sawa. Но пахла вкусно. Но sisi ni sawa. Но вкусно.
— Да у тебя всё завязано на еде. Что ты вообще в последний раз вкусное ел? — Нирик.

Захертен поперхнулся и с подозрением посмотрел на ухмыляющегося Шедоу и на ехидно нэкнувшую Нэ.
— Вы всё-таки лягать какие странные, — заключил он.

Но, что страннее, мысленно добавил он, сейчас мне с вами даже дождь не кажется таким бесящим. И улыбнулся.

4

Это началось в полдень.

Сначала был звук, мерзкий, похожий на звон в ушах. Затем — грохот. Мгновенно проснувшийся Захертен бросился на улицу: храм ходил ходуном, сверху сыпались осколки черепицы, от колонн и статуи Луны откалывались осколки. Слышался треск сухого дерева.

Ведьмак с Нэ были у ворот. Кирин подлетел к ним:
— Что происходит?! Храм ру!..

Оглянувшись, он прервался на полуслове, и в ужасе открыл рот.

Из храма, прямо сквозь стены и крышу, поднимался скелет.

Был он огромен, ростом с секвойю, и выпрямлялся всё выше, будто бы скребя по небу рёбрами. Его позвоночник и грудная клетка состояли из массивных костей минотавров, как будто кто-то собрал их в столб, а вместо лопаток торчали обломки минотавровой брони. Четыре гигантские руки, каждая размером с сосну, росли из кошмарных плеч, а тело венчал асимметричный череп, будто бы сросшийся из двух
половин: правая была обезьянья, с обломанным рогом, смотрящим вверх, левая — явно бычья, с рогом, выставленным вперед.

— Гасить... курей... — мертвым голосом сказал Захертен и отрешенно подумал, что ненавидит теперь солдат Таврии в той же мере, что и местные. — Гасяд... куро... гасядокуро…

Гасядокуро взревел, и над горой прокатилась призрачная вибрирующая волна. Соломенную шляпу Захертена и яростно расправившую крылья гусыню просто смело куда-то в пропасть.

— Нэ-нэ-нэ-нэ-нэ-э-э-э!.. — донёсся до кирина её боевой клич. Впрочем, вряд ли она бы тут помогла.

А вот ведьмак шагнул вперед. Достав из-за пазухи флакон, он залпом опорожнил его. Его вечная улыбка стала ещё шире, шерсть потемнела, белки глаз окрасились зелёным и из уголков потянулся фиолетовый дымок. Шерсть из грязно серой стала почти чёрной. Он чувствовал, как ускоряется стук сердца, как дрожат уплотняющиеся мышцы, как ещё сильнее обостряется и без того разогнанное даже в сравнении с собратьями восприятие — и это приводило его в охотничий экстаз. В эти моменты Шедоу Хайд ощущал себя как никогда живым.

— Стой, тупое безумное создание! — крикнул Захертен, когда ведьмак выхватил клинки и бросился вперёд.

Но Шедоу, может, и был безумным, но не тупым, и кирин это сразу понял: покрасневший от крови скелет заворочался, уперся лапами в землю — гасядокуро призрак, но, чтобы убивать, призрак должен обрести плотность. Невольно напитавшись кровью из бассейна, он впал в буйство и потерял контроль, а тут ещё вспыхнули фиолетовым символы, что выцарапывал повсюду ведьмак, — Ловушка Ирден.

Чудовище оказалась запечатано по пояс в горе.

Вспрыгнув на одну из ладоней, Шедоу вонзил в неё оба меча.

— Дурак, это скелет! — крикнул пятившийся от страха Захертен. — У него нет кровотока, твой яд не подействует!

Но Шедоу и не рассчитывал на яд. Как следует оттолкнувшись, он взбежал по руке, словно паук.

Гасядокуро снова взревел и тряхнул конечностью — Шедоу успел снова вонзить клинки и сначала повиснуть, а затем раскачаться и прыгнуть. Ещё бы чуть-чуть, и его бы расплющили.

Приземлившись на землю, он перекатился и принялся петлять, уворачиваясь от молотящих ударов гиганта. Гасядокуро рявкнул и хлопнул всеми четырьмя ладонями: бахнуло, как от взрыва.

Шедоу снова вцепился в костяшки, снова попытался взбежать, но у локтя его таки задело по касательной — просвистев в воздухе, ведьмак грохнулся изломанной куклой.

Грохнулся и тут же вскочил, но Захертен видел, как срастаются под кожей закрытые переломы, как вправляются кости, а сам ведьмак словно немного похудел. Долго он так не

протянет.

Захертен хотел убежать. Он видел, как единорог раз за разом пытался петлять, уворачиваться, но всё же пропускал удары, регенерировал, худел и снова бросался в бой. Смотрел и думал о том, что в этом нет ничего постыдного: ведьмак сам виноват, что откусил больше, чем смог. Чтобы одолеть подобное, нужен отряд киринов или... Захертен стиснул зубы, чуть не плача. Похоже, Путь Клинка Рассекающего Демонов так и останется на бумаге. Но долг есть долг.

— Пламя — есть дыхание жизни, чёрный дым — освобождение, — сказал кирин, обнажая катану и вонзая себе в грудь, — так пусть душа твоя, обратившись пеплом, возвратится в великое пламя. Латум, — сказал он, закрывая глаза и чувствуя, как в сердце разгорается приятный огонёк.

Глаза открыл уже нирик Нетрехаз.

Моргнув несколько раз, нирик зашипел, словно заливаемое водой пламя: он ненавидел дождь, ненавидел воду! Весь его мир состоял из яростного огня — то была магия, что текла по земле, витала в воздухе искрами! Огромный призрак здесь был исполинским костром, по которому бегало...

Нирик зашипел: фигуроподобная тёмная воронка была противна самому его существу!

— Нужно... погасить... большой... огонь... — с трудом вспомнил Нетрехаз. Да, правильно, сначала большой огонь. А потом... а потом он развеет воронку. — Вуа-а-альс!.. — зарычал нирик, создавая из чистой пламенной магии катану и нанося удар по костяным пальцам.

Гасядокуро снова взревел и попытался прихлопнуть противный уголёк, но тот откатился в сторону и встал в боевую стойку:

— Не-бе-са-а-а!...

Оттолкнувшись, он перепрыгнул несущийся на него кулак и побежал вверх: ему нужно было только добраться до шеи, одна Огненная Колесница — и гигантская голова рухнет! Огненный меч рассечёт даже кость толщиной в бревно!

Всё больше пьянеющий гасядокуро дёрнулся и выдрал ладонью кусок стены и так почти сровнявшегося с землёй храма. Стиснул, получившуюся крошку метнул — каждый камешек был с кирпич, разогнанный до скорости стрелы.

— Кольцо-о Ни-чи-ри-и-ин!.. — крутанул катаной Нетрехаз, сбивая почти все снаряды. Почти, один из них прошёл и вышиб дух. От удара нирик отлетел и покатился, сплевывая дым.

Гасядокуро потянулся к нему, схватить, сжать, поглотить и сделать частью себя... но тут о себе напомнил ведьмак. Улучшив момент, он снова взбежал, как белка, цепляясь даже челюстями, добрался до головы...

... И сорвал с себя перевязь с металлическими шариками, запустил в глазницу.

Громыхнуло.

Тело ёкая дернулось — черепушка разлетелась как спелый арбуз. Неловко раскинув руки, он завалился, окончательно размолов остатки храма. Потерявший на минуту сознание Нетрехаз закашлялся, чувствуя, как ему в рот вливают что-то холодное, тошнотворно премерзкое. Вырвавшись, он перекатился и вскочил.

Утерев губы, он грязно выругался: эта нечестивая жижа буквально тянулась тонкой нитью разрушенной магии к проклятой воронке. О Вечное Пламя, этот мир и так бесконечно уродлив,

но этот силуэт квинтэссенция гнили!

Нетрехаз призвал клинок ничирин. Он начнет с неё. Как только он испепелит эту ошибку, пойдет дальше, пока не обратит в бездымное пламя всё, до чего дотянется! И только когда эта никчемная планетка его усилиями станет вторым солнцем, только тогда пребудет совершенство!

— Мерз-з-зкое отродье!..

Нирик атаковал. Промелькнув кометой, резанул бок не успевшего среагировать силуэта. Подпрыгнул и крутанулся, стараясь перерубить позвоночник. — Она уш-ш-шла от вас, потому что вы были ош-ш-шибкой!

Силуэт смог увернуться, но клинок таки рассек спину и тут же прижег рану. Силуэт что-то сказал, и его обернуло легким маревом — Нетрехаз только жестоко расхохотался.

— Приз-з-знайся, — закружил вокруг противника нирик, — Ты притворяешьс-с-ся зверем только потому, что страдаешь… боишьс-с-ся…

Рывок, короткий удар крест-на-крест, но аномалия снова сблокировала. — … боишься… что если вынырнешь из собственного контролируемого безумия… Ещё рывок, теперь горизонтальный удар. Снова отскок.

— … то растворишься… в истинном…

Выставив клинок параллельно земле, Нетрехаз снова метнулся вперед, на этот раз вздымая клубы пыли и пара. Аномалия крутанула мечами, стараясь разогнать марево.

— Бесполезно-бесполезно-бесполезно! — зачастил нирик, делая множественные уколы. — Бесполезно!

Он смог пробиться сквозь мечи воронки, всего один раз, но легкое поле взорвалось искрами и отклонило клинок. Силуэт выбросил голову и вгрызся в ногу нирика.

Нетрехаз взвыл и вонзил ничирин настолько глубоко силуэту в бок, что тот вышел с другой стороны.

— Когда я сож-ж-гу тебя, не будет даже пепла!

Проклятая аномалия отпустила ногу и ударила головой в челюсть. Повалила, прижала все ноги, не вырваться! Нирик опять закричал, и в небо ударил поток концентрированной пламенной волшбы — такой сметет целую деревню! — Никто по тебе не прольет и слезы!

Но аномалия держала крепко и даже грызнула себя в плечо: на этот раз в рот нирика хлынул целый поток холодно-обжигающей жижи.

Нетрехаз ощутил, что угасает...

А потом кирин Захертен открыл глаза.

Тихо застонав, он попытался подняться — тело нещадно ломило, было до невозможности жарко. Захертен открыл рот, жадно пытаясь поймать как можно больше капель.

Впервые в своей жизни он был рад дождю.

— Ве... ведьмак... — прошептал он, — ... ведьмак... Ох, ксо...

Ведьмак лежал у груды камней, что когда-то была стеной. Кирин подполз и ужаснулся: единорог был похож скорее на скульптуру из угля и пепла, чем на живое существо, где-то коричневую, где-то чёрную, потрескавшуюся, воняющую гарью и запекшейся кровью. Лежал он на спине, а из боков торчала катана Захертена — она прошла насквозь.

И, несмотря на это, был всё ещё жив.

— Ведьмак!.. Шедоу!.. — заломил копыта Захертен.

Шедоу не ответил. Его дыхание вырывалось из груди со свистом, а невидящий взгляд был устремлен в небеса. Жизнь ведьмака утекала, словно пепел с копыт. — Ведьмак, не смей! — рявкнул кирин, лихорадочно перебирая в уме свои немногочисленные навыки медицины. — Две жизни! Я должен тебе две жизни!

Копыто кирина объяло лёгким зеленоватым пламенем — медицинская алхимия — но стоило поднести его к груди ведьмака, как огонь тут же потух. Захертен чуть не зарыдал от отчаяния.

Сверху послышался хлопот крыльев, и рядом опустилась Нэ. Не издав ни звука, она отпихнула его и принялась остервенело рвать шнуровку на ведьмачьей куртке. Сообразивший Захертен помог и вскоре положил на покрытую углем землю три темных флакона.

— Нэ, — мрачно сказала гусыня, — Нэ-нэ-нэ.

Захертен молча с ней согласился. Один из этих трех возможно исцелит ведьмака, остальные два в нынешнем состоянии — точно убьют.

— Который?

— Нэ... — замялась гусыня. — Нэ-нэ...

— Что значит “не знаю”?! — едва не взорвался в буквальном смысле Захертен. — Ты путешествуешь с ним кучу времени и до сих пор не знаешь, какие эликсиры он пьёт?!! — Нэ-нэ-нэ! — огрызнулась гусыня. — Нэ-нэ?!

Кирин был вынужден с ней согласиться: за дни охоты ведьмак при нем выпил всего одну склянку.

— Логически... — стиснул зубы кирин и отложил в сторону флакон, внутри которого плескалась прозрачная жидкость. — Нужно рассуждать логически... — Нэ-нэ?

— Вряд ли “Концовкой” стали бы называть эликсир исцеления. Остаются Ласточка и Волк. Помоги мне...

Подобрав из грязи один из чумных мечей, Захертен с предельной осторожностью отпорол от хаори несколько кусков ткани, затем потянул катану из Шедоу. Как только извлек меч, перевязал раны и, кивнув Нэ, влил в рот ведьмака один из эликсиров.

Грянул гром.

5

Когда спустя день кирин вернулся в Скрытую в Дожде, его встречала вся деревня. Встречала тихо и напряженно, под соломенными зонтами, пока кирин мрачно тащил на веревке самодельный бамбуковый ящик. Захертен был грязным, усталым, и вовсе не походил на того гордого повелителя огня, которым выглядел ещё какую-то неделю назад.

— Вы убили Монарха Костей, — вместо приветствия заметила госпожа Вэб, когда Захертен остановился перед ней и устало привалился к ящику.

— Убили, — не стал отпираться кирин, — Вы против?

— Он просыпался всего раз в несколько лет на три дня, — поморщилась госпожа Вэб. — Брал

несколько жертв и снова погружался в сон. Он не мешал нам. — О да, конечно, — ядовито согласился с ней Захертен. — Я ничуть не удивлён, что он не мешал *вам*. Может, примите наконец истинный вид? Все вы? По крайней мере тогда никто из нас не будет пытаться делать из другого идиота.

Толпа зароптала, и Захертену подумалось, что сейчас в него полетят комья грязи и прочий мусор, но госпожа Вэб усмехнулась и отвесила лёгкий кивок. Все как будто этого и ждали.

Первым изменились стоящие по бокам от неё минотавры. Они ещё больше увеличились в размерах, покраснели, сквозь их губы прорезались клыки, а в руках возникли шипастые дубины. Потом были грифоны — их тела и крылья почернели, лица покраснели, а клювы сильно вытянулись. Далее зебры — их тела просто отвалились и в воздухе остались висеть головы. Разносчицы: голубая пегаска взмахнула хвостом, и её голова стала лисьей, а земная пони топнула, и её распущенная соломенная грива обзавелась крючками на кончиках волос. Старик Арго же просто провел ладонью перед лицом, повернулся, наклонился, задрал кимоно с хвостом и раздвинул ягодицы — на Захертена уставился коричневый глаз.

— О́ни, тэнгу, рокуро-куби, авгура, хари-онаго, сиримэ, — перечислил всех из первых рядов, кого узнал Захертен. — А вы?..

— Всего лишь скромная хозяйка местного постоялого двора, — обворожительно улыбнулась госпожа Вэб. Однако её заднюю часть тела тоже на мгновение объял зелёный огонь, и она поднялась на паучьих лапах, сравнявшись в росте с Принцессой Селестией.

— Цутигуме. Я должен был догадаться.

— А вы не догадались?

— Нет. А вот Шедоу издалека почуял, что с вашей деревней что-то нечисто — вы ведь поэтому наняли меня? Чтобы я убил ведьмака? Как же вы, наверное, потешались тогда над изящностью своей выдумки, ведь если бы я знал тогда, что меня окружают ёкаи, то...

— То что? — внезапно прервала его госпожа Вэб. — Вместо того, чтобы расплатится за еду и кров, сделали бы из нас тамэсигири для своего Пути Клинка Рассекающего Демонов?

Захертен не ответил. Насмешливо скривившись, госпожа Вэб продолжила: — Да, мы — ёкаи. По мне, возможно, и не скажешь, но мне триста пятьдесят лет, дорогуша — из них триста двадцать пять я управляю деревней. Не проходило и десятилетия, чтобы на Макёто не вторгались войска Таврии, чтобы очистить его от демонов — именно так и родился Монарх Костей. Он не мешал нам, потому что пробуждался чаще всего именно в это время.

Толпа одобрительно зароптала, но госпожа Вэб вскинула переднее копыто, призывая к тишине:

— Да, мы — ёкаи. Я не стану врать: когда у нас достаточно еды, мы едим рис и мисо, а когда голод — случайных путников. Кобыл, жеребят, стариков, пони, грифонов, зебр… Считайте нас чудовищами, но этот остров и эта деревня — наш дом. Дом, где мы рождаемся, живем и умираем. И если вы, солдаты, боги смерти или ведьмаки считаете правильным вламываться в чужие дома только потому, что здесь иногда обижают забредших ваших собратьев, что ж. Кости для новых Монархов закончатся ещё нескоро.

Захертен продолжал молчать, меряя госпожу Вэб оценивающим взглядом. Он и не подумал усомниться в её словах.

— Что будем делать, пламенный владыка? Начнем драку?

Захертен криво усмехнулся. Вернись он в состояние нирика — от этой деревни осталась бы горка пепла, но и сам кирин навеки сгинул бы. А в нынешнем состоянии он вряд ли смог бы дать бой целой ораве ёкаев. Да и.. рис тут был довольно вкусным. Пусть это и оказался вовсе не рис.

— Если верите в богов — можете им помолиться.

Захертен слегка пнул ящик, и тот развалился, а из обломков поднялся Шедоу. Выглядел он хоть и слегка подкопчённым, но на диво здоровым... насколько вообще может выглядеть здоровым сборник шрамов и рубцов, к которому теперь прибавилось несколько ожогов.

Ведьмак поднялся и сонно зевнул, а Захертен мерзко захихикал, видя как застыли в ужасе жители деревни, как вытягиваются их лица. Как стискивают до крови дубины они, не решаясь поднять, как опустились почти к земле рокуро-куби. Как прижимаются трясущиеся авгура и хари-онаго к своей госпоже.

Ведьмак почесал злосчастное ухо и потрусил к госпоже Вэб — никто даже не подумал остановить его. Усевшись перед ней, он посмотрел снизу вверх и та, словно уловив, склонилась.

Поначалу восхитившийся самообладанием цутигуме, Захертен подметил, как мелко-мелко трясуться её паучьи коленки.

Ведьмак ещё раз почесал ухо, слегка обнюхал понячье лицо и, немного подумав... лизнул её в нос. Немного покатал на языке, сплюнул. А затем поднялся и потрусил уже на выход из деревни.

Захертен засмеялся и поспешил за ним, напоследок отметив, как между ног госпожи Вэб капает что-то белое. Паутина... скорее всего паутина. — Воняете слабостью! — крикнул он и показал на прощанье язык. Так или иначе, он чувствовал себя отомщённым.

Уже у выхода из деревни кирина окликнул маленький цутигумо, что исполнял роль слепого игрока на биве. Озорно улыбнувшись, он протянул кирину ларчик и новенькую, украшенную паутинными узорами, соломенную шляпу: — Ваша плата, огненный господин! От имени деревни!

— Э? Но я же не убил ведьмака?

— Ну так мы же договаривались, что вы избавите нас от него, а не убьёте! С этим кирин спорить не стал и напоследок потрепал маленького паукопони за холку. А тот махал что кирину, что ведьмаку, пока те не скрылись из виду.

Остальные же жители, как только кирин и ведьмак пропали из деревни, шумно как один выдохнули и повалились на колени. Обнявшиеся разносчицы громко заревели, пытаясь привести в чувство потерявшую сознание госпожу, тэнгу достали трясущимся пальцами фляжки и начали неудержимо хлебать, а рокуро-куби выдали такой поток трехэтажного мата, что восхитились бы и матросы.

Но, в целом, обошлось без потерь.

6

Когда они вышли из деревни, Захертен надел шляпу и почесал нос, следя за ведьмаком. Сверху снова послышалось хлопанье крыльев, и на спину Шедоу опустилась Нэ.

— И что теперь? — спросил кирин.

Ведьмак скучающе пожал плечами и достал из-за пазухи кусок красной кости — невероятно медленно развеивающийся кусочек гасядокуро. Немного пожевав его, он вернул косточку обратно и обнюхал землю, словно стараясь взять след. Выглядел он при этом как утративший смысл жизни.

— Нэ, — ободряюще хлопнула Шедоу по рогу Нэ. — Нэ-нэ-нэ.

Кирин понимающе ухмыльнулся: действительно, когда попробовал лучший в мире деликатес, вся остальная пища становится на вкус как навоз. — Эй, может... пойдём вместе?

— Нэ?

— Ну, просто... вряд ли вы найдёте на острове что-то опа... вкуснее гасядокуро, а в той же Эквестрии есть, например, вендиго. Или можем отплыть в земли зебр — в лагунах можно поохотиться на раковых дуфусов...

Шедоу пожал плечами, всем своим видом пытаясь показать, что будто мертв внутри.

— Нэ?

— Я всё ещё не выплатил долг, к тому же... я бы хотел кое-чему у вас поучиться. — Нэ-нэ?

— В основном у Шедоу... ай! Не щипайся!

Идти решили через Скрытый Камень, и вот там жители смотрели на Шедоу абсолютно по-другому: смеялись, праздновали победу над Монархом Костей, а некоторые жеребята даже бросили ведьмаку мячик — тот на некоторое время прекратил изображать депрессию и вернул игрушку. Несколько раз.

Благодарные жители даже выплатили ведьмаку награду... вернее, попытались выплатить — ворочающийся и ворчащий ведьмак никак не мог понять, что от него хотят и почему эти глупые селюки пытаются дать ему денег за то, что он сожрал их вкуснейший деликатес.

Радостные жители уже хотели оставить деньги себе... но тут на них налетела яростно нэнэкающая гусыня, и кирин таки взял ларчик с золотом, пока ведьмак продолжал носить мячик.

Как оказалось, о вознаграждении договаривалась именно она.

Отплывая с острова, Захертен уселся у борта. Он открыл ларчик цутигуме — внутри лежал тончайший и в то же время прочнейший серебристый шёлк, несколько переливающихся иголок и разного цвета катушки с нитками — более чем достойная награда.

Сняв хаори, Захертен взял иглу и принялся латать свой плащ, попутно размышляя: правильно ли он поступил, что решил не зачищать деревню ёкаев? Конечно, он отдал это решение на милость Шедоу, но, может, стоило проявить чуть больше ответственности?

Продолжая размышлять, он посмотрел на постепенно отдаляющийся остров и поражённо открыл рот: впервые за всё его время пребывания на острове тучи рассеялись и в воздухе повисла прекрасная даже не двойная — тройная радуга.

Захертен перевёл взгляд на дремлющего тут же неподалёку свернувшегося в калачик ведьмака, на котором сонно покрякивала гусыня.

— Но иногда нам нужен дождь... — задумчиво сказал Захертен, принимаясь вышивать на своем хаори два новых иероглифа имени: “Тень” и “Сокрытие”. — Но иногда нам нужен дождь...

«What a feeling
to be so alive!»